
ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Ю.В. Щелокова

Г. ОЛПОРТ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Аннотация: в статье анализируются взгляды американского психолога Г. Олпорта. Он разработал ряд методических правил для психоаналитика, который ведет психотерапевтическую работу. Одновременно американский психоаналитик рассматривал личность как сложную развивающуюся систему привычек, установок и личностных черт.

Ключевые слова: психология, личность, трайты, структура, динамика, характер, тело, темперамент, поведение, консультирование.

Если большинство теорий личности рассматривает структуру и динамику личности отдельно, то в теории Г. Олпорта это различие неприменимо. Структура личности изначально представлена как черты (трайты), в то же время поведение мотивируется трайтами. Иначе говоря, по большей части структура и динамика — это одно и то же. Личность, следовательно, есть динамическая организация тех психофизических систем в индивидуе, которые детерминируют его уникальное приспособление к среде.

Сочетание «динамическая организация» подчеркивает, что личность постоянно изменяется и развивается, но в то же время это организация или система, связывающая воедино и соотносящая различные компоненты личности. Термин «психофизическая» напоминает, что личность — ни нечто исключительно ментальное, ни исключительно нервное. Организация предполагает действие как тела, так и психики, неразрывно связанных в единстве личности. Слово «детерминирует» поясняет, что личность включает в себе детерминирующие тенденции, играющие активную роль в индивидуальном поведении. «Личность есть нечто и делает нечто... Она есть, что лежит за специфическими актами и внутри индивидуа».

Иначе говоря, для Олпорта личность не есть просто конструкт наблюдателя, как и не является чем-то проявляющимся только тогда, когда есть другой человек, на нее реагирующий. Напротив, личность обладает реальным существованием, включая нервные или физиологические сопутствующие условия.

Хотя термины «личность» и «характер» часто используются как взаимозаменяемые, Олпорт показывает, что слово «характер» предполагает некоторую систему условного обозначения поведения, в

терминах которой оцениваются индивиды и их акты. Олпорт считал, что характер — понятие этическое и говорил, что «мы предпочитаем определять характер как личность в оценке, а личность как характер не оценки»¹.

Темперамент и личность также часто смешиваются. Однако есть ясное основание для различения их в обычном словоупотреблении. Темперамент соотносится с диспозициями, тесно связанными с биологическими или физиологическими детерминантами, и соответственно мало меняется с развитием. Здесь роль наследственности больше, чем в отношении других аспектов личности. Темперамент наряду с умственными способностями и конституцией — тот сырой материал, из которого выстраивается личность.

Олпорт различал общие и индивидуальные черты. И если термин «черта» сохранился за общими чертами, то для индивидуальной черты Г. Олпорт нашел новый термин — «личная диспозиция». Хотя к личным диспозициям Г. Олпорт относится как к морфогенным чертам.

Черта определяется как «нейропсихическая структура, обладающая способностью делать многие стимулы функционально эквивалентными, а также инициировать и управлять эквивалентными (согласованными по смыслу) формами адаптивного и экспрессивного поведения». Личная диспозиция, или морфогенная черта, определяется как «генерализованная нейрофизическая структура (принадлежащая индивиду), обладающая особенностью делать многие стимулы функционально эквивалентными, а также инициировать и управлять согласованными (эквива-

---

¹ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002. С. 41.

лентными) формами адаптивного и стилистического поведения».

Как видно из определений, единственное реальное различие между этими определениями заключается в том, что *черты*, в отличие от *личных диспозиций*, не определяются как принадлежащие индивиду. Однако черта так же внутри индивида, как и диспозиция. То и другое — нейropsychические структуры, обладающие способностью делать многие стимулы функционально эквивалентными и руководящие согласованными формами поведения.

Но нужны ли два определения? Используя понятие об общих чертах, можно осуществить сравнительное изучение одной и той же черты, выраженной у разных индивидов или групп индивидов. Используя понятие о личностных диспозициях, можно изучать человека и определить «уникально патернированную индивидуальность» человека. Один подход совпадает с традицией психометрически ориентированной дифференциальной психологии, другой — с традицией клинической психологии.

Хотя черты и личные диспозиции реально существуют в человеке, они непосредственно не наблюдаемы и должны быть выведены из поведения. Олпорт пишет: «Специфический акт — всегда продукт многих детерминант, не только продолжительных установок, но и кратковременных, и необходимо отличать от родственных понятий. Навыки тоже являются детерминирующими тенденциями, но черты в диспозиции носят более обобщенный характер, как в плане соответствующих им ситуаций, так и в плане реакций, к которым они ведут. Фактическая черта в определенной мере представляет результат комбинирования и интеграции двух или более навыков».

Трудно провести различие между чертой, или диспозицией, и аттитюдом. Аттитюд это тоже преддиспозиция; он также может быть уникальным; он может инициировать поведение и управлять им; он — продукт генетического фактора и научения. Тем не менее между чертой и аттитюдом остается различие.

Труднее провести различие между чертой, или диспозицией, и аттитюдом. Аттитюд всегда предполагает оценку (принятие или отвержение) объекта, тогда как черта — нет. Подводя итог, Олпорт пишет: «Оба понятия — аттитюд и черта — в психологии необходимы. Между собой они покрывают главные типы диспозиций, с которым имеет дело психология личности. Но поскольку понятие «аттитюд» связано с ориентацией людей относительно определенных объектов среды (включая людей, культуру, общество),

оно предпочтительно для социальной психологии»². В психологии личности Олпорта интересует структура человека, и потому предпочтительным оказывается понятие «черта». Олпорт различает черты (или личные диспозиции) и типы по тому, насколько те и другие привязаны к индивиду. О человеке можно сказать, что он обладает чертой, но не типом. Типы — это идеальные конструкты наблюдателя, и индивид может быть к ним отнесен, но лишь с потерей своей отличительной идентичности. Личная диспозиция может репрезентировать уникальность человека, тогда как тип должен ее скрыть. Типы представляют искусственные различия, не слишком напоминающие реальность, тогда как черты — истинные отражения того, что действительно существует.

Олпорт считал, что каким бы превосходным от природы зрением не обладал консультант, он всегда смотрит на своего клиента сквозь профессиональные очки. Это и не может быть иначе. В конце концов, он затратил уйму денег и времени на изучение психологии. Какова в таком случае польза от обучения, если оно не прибавляет специальные линзы к его собственному невооруженному зрению?

Линзы, которые мы носим, отшлифованы в соответствии с рецептами наших учебников и учителей. Еще в пору нашего студенчества определенный образ природы человека подбирается по нашим глазам. Мы «вырастаем», с этим образом, и когда становимся преподавателями или практиками, оказывается, что мы продолжаем принимать его как должное.

Но время от времени приходит пора для оптической перепроверки. Возможно, что существующий у нас образ — все еще наилучший выбор, возможно, что нет. Это становится ясно, только если просмотреть сменные линзы. В частности, я считаю, что три из них заслуживают особо пристального изучения.

- 1) Человек как реагирующее существо. Под этот заголовок я бы поместил течения, известные под названиями натурализма, позитивизма, бихевиоризма, операционализма, физикализма; все это (иногда я думаю ошибочно) называют «научной психологией».
- 2) Человек как глубинно-реагирующее существо. Сюда я включаю то, что фигурирует под различными названиями психоанализа, психодинамики, глубинной психологии.
- 3) Человек, как существо в процессе становления. Это название объединяет направления известные как холизм, ортопсихология, персоналистика, экзистенциальная психология.

² Там же. С. 42.

Три этих образа дают фокус не только для руководства в практике, но и для любой другой профессиональной психологической деятельности, будь это обучение, исследование, консультация или терапия.

Олпорт писал о человеке как реагирующем существе. Вильгельм Вундт набросал программу обновления психологической науки. Его взгляды на правильное направление в развитии этой науки обладали широтой и таили в себе большие возможности, особенно для области социальной психологии. Но сильнее всего в англо-американской традиции укрепилось экспериментальное наблюдение его «Физиологической психологии». В соединении с дарвинизмом, махистским позитивизмом, количественным наблюдением Гальтона и его последователей, а также техникой, разработанной Бинетом, Павловым, Кларком Халлом и другими — это экспериментальное наблюдение стало наиболее распространенным направлением. Именно здесь шлифуются линзы, которые подходят для глаз почти всякого студента психологии. Многие из нас, кто работает по профессии, не чувствуют потребности в дальнейшем уточнении этого образа человека.

Человек, рассматриваемый сквозь эту линзу, не отличается по виду от любого живого реактора; и, следовательно, как голубь или муравей, может изучаться биологически, математически, бихевиориально. Конечно, при этом необходимо изобрести несколько специальных понятий, чтобы охватить всю сложность человеческого поведения, но все эти понятия, а среди них иерархия поведенческих образцов, вторичное усиление, информация на входе и выходе и тому подобное совмещаются с постулатами физикализма и натурализма.

Если мы спросим: «Что значит быть человеком?», эта школа ответит: «Человек — создание природы; его поведение, несмотря на всю его сложность, в принципе предсказуемо. Его настоящее состояние определяется его прошлым состоянием. Сознание человека ненадежно, и ему не следует доверять, предпочтительно игнорировать его совершенно. Мы стремимся найти общие законы природы, а не личную уникальность. Мы изучаем Человека, а не людей; объективную реальность, а не субъективную».

В принципе, эта широкая позитивная традиция, с которой мы все хорошо знакомы, положила долгожданный конец психологической наивности. Она предостерегает нас от доверчивости к каждому услышанному сообщению; она побуждает нас относиться скептически к нашему невооруженному зрению; и, таким образом, мы приучаемся к сдержанности от-

носителю непосредственно наблюдаемого. Она учит применять точные методы. Поскольку эта традиция придает большое значение надежным методам, она получила название «научной психологии». Действительно, она владеет научными методами, но ее основной постулат, что человек — это только реагирующий организм — не больше научен, чем любой другой постулат.

Именно в этом моменте консультант, как полагал Олпорт, сталкивается с первыми трудностями. Обученный тестам, статистике и экспериментальным расчетам, он может придти к заключению, совершенно ошибочному, что для того, чтобы воспользоваться этими полезными вещами, он должен рассматривать клиента как реагирующее существо — исключительно в качестве продукта действия стимула, гомеостаза, подавления желаний и усиления узнаваний. Термин «научный» был перенесен с метода на теорию. Но то, что эти методы развивались в позитивистской традиции, совсем не означает, что постулаты этой традиции относительно природы человека, — единственно приемлемые постулаты для научной психологии.

Консультант, чьи теоретические окуляры обнаруживают лишь реагирующую сущность в человеке, скорее всего, склонен рассматривать своего клиента в терминах условий и возможного их изменения; в терминах усилений, в терминах детерминизма среды. Он станет основываться на предположении, что основные мотивы его клиента — подавление желаний или условия второго порядка, которые некоторым неясным образом должны объяснять все его зрелые интересы и профессиональные устремления. Словарный состав, который влечет за собой этот тип постулата, пересыщен такими терминами как реакция, реинтеграция, рефлекс, респондент — и словами всех сортов с приставкой «ре». Здесь вся направленность в прошлое. То, что было и то, что есть гораздо важнее того, что будет. Характерно, что такие термины как программа, прогресс, продукция, решение проблемы и т. д., отсутствуют. Напрашивается мысль, что реакцией клиента должен быть протест, так как сам язык «ответной реакции» отрицает очевидную для человека вещь, — то, что его жизнь лежит в будущем. Позитивистская точка зрения на человека как на реактор сослужила хорошую службу тем, что лишила нас наивности, предоставила нам полезные методы и совершенно верно информировала нас о том, что человек, в некоторых аспектах своего существования, не что иное как простой респондент, просто реагирующее на простое давление существо. Однако позитивистские постулаты вызывают возра-

жение. Реальность представлена как регулируемая, но не личностная; сознание считается помехой; человек — реагирующим существом, реактивным, но не проактивным.

В действительности, вероятно, ни один из консультантов не следует полностью этому кредо в своей повседневной практике. Это вообще невозможно; это слишком упрощенный взгляд на реальную жизнь. Когда убежденный позитивист пытается подогнать свой образ о человеке к каждой конкретной ситуации, как это пытался сделать Б. Скиннер, результаты поражают своей скудостью, даже жалостью.

Возможно, именно по этой причине многие бихевиористы (начиная с Эдвина Холта в книге «Фрейдовское понятие желания и его место в этике» (Нью Йорк, 1915 г.)) пытаются соединить теорию «стимул-реакция» с психоанализом. Книга Нила Миллера и Джона Долларда «Личность и психотерапия» — хороший пример такой попытки. Здесь человек как реагирующее существо сочетается с человеком, реакции которого происходят в глубине.

Олпорт также рассматривал человека как глубинно реагирующее существо. Этот образ человека распространен настолько широко, что мы находим его везде: он преобладает в литературе, в социологии, в терапевтической практике и даже на рыночной площади. Нет необходимости сегодня описывать этот образ кому-нибудь из образованных или полуобразованных американцев. Фрейдизм, как и позитивизм составляет нашу ежедневную пищу.

Но что, как мне кажется, заслуживает особого внимания, — так это близкая родственная связь фрейдизма (несмотря на то, что он использует менее достоверные методы) с традиционным позитивизмом. Единственное изменение в образе человека заключается в прибавлении глубинного измерения. К длинному списку слов с приставкой «ре» глубинная психология прибавила к словарному запасу репрессию, регрессию, форму реакции и многое другое.

Подобно многим простым натуралистическим взглядам на человека, психоанализ считает центром тяжести гнет удовольствия и боли. Это давление создает в организме тенденцию к поиску равновесия между силами его желания и обстоятельствами действительности. Тот факт, что Фрейд придает максимальное значение роли секса и сосредотачивает целый сонм реактивных сил в основном в подсознании, не изменяет их существенного сходства.

Для Фрейда причина лежит в прошлой истории индивида как и для теоретика условной реакции. И тот и другой обескураживающе равнодушны к личностной феноменологии будущего, к чувству человеческого и

чувству свободы. Эго — это реактивный агент, не имеющий своей собственной энергии и заимствующий ее у асоциального Ида.

Центральной для глубинной психологии является доктрина «воспоминание» и «восстановление» (еще два слова с приставкой «ре»). Терапия обнажает перед клиентом скрытый мотив или тревожащую и подавляемую психическую травму. Выздоровление клиента лежит в этом жизненном восстановлении. Беспокоящее воспоминание получает познаваемую форму. Предполагается, что результатом должна быть помощь индивиду в разрешении конфликта. Теория, однако, не учитывает какого-либо взаимодействия между личностью и восстановленным воспоминанием. Простое восстановление само по себе, как выражался Фрейд, есть «чистое золото» психоанализа. То, какими ценностями должен жить клиент после того, как произошло его восстановление, не составляет «чистого золота» психоанализа. Основная доктрина полагает, что все зрелые ценности представляют собой сублимированные сдерживаемые желания. Фрейд никогда не допускал возможности индивидуальной способности игнорировать прошлое или преобразовать его. Несомненно, что поскольку структура Ида остается неизменной, будущее в лучшем случае может быть сменой направления, но не трансформацией человеческих намерений. Человек, в сущности, становится только тем, что он есть, и кем он был прежде.

Среди ценных вкладов, которые сделал психоанализ, особенно полезным для употребления всеми консультантами является великолепная разработка Фрейдом и его дочерью Анной, теории защитных механизмов Эго. В обращении с клиентами мы используем помощь психоанализа при наблюдении рационализации, отрицания действительности посредством регрессии и вытеснения агрессии. Все эти и другие механизмы защиты Эго свойственны природе человека и, следовательно, должны использоваться в любой теории о человеческой личности.

Но я не могу себе объяснить, почему многие из Эго-процессов, описанных психоанализом, должны считаться только защитной стратегией. Разве не существует процессов, которые ведут к трансформации того, что подверглось исправлению? К творческому познанию? К обновлению чувства личностного и новой феноменологии будущего? Для Фрейда человек никогда не бывает проактивным, даже активным бывает редко. Он почти всегда выступает как реактивный в отношении ранних фиксаций — скажем, кастрационной угрозе, которая имела место много лет назад, или какому-

либо другому несоциальному детскому комплексу, особенно Эдипову. Мои затруднения в связи с этим образом о человеке кратко суммировал покойный Макс Бербом: «Они были странным и нервным семейством — эти Эдипы».

Существует большая группа теорий, которые исходят из психодинамической традиции, но которые в то же время сравнительно отклоняются от ортодоксальной точки зрения теории глубинных реакций. Все эти теории, на мой взгляд, движутся в более желательном направлении. Я назову только некоторых из ее авторов: Адлер, Янг, Гартман, Хорни, Эриксон, Фромм. Еще дальше от Фрейда отклонились Гольдштейн, Маслоу, Роджерс и Роберт Вайт. Эти и другие авторы предложили другой тип теории, которая рассматривает человека, как существо в процессе становления. Многие из них ставят основную проблему отлично от реактивистской школы. А это уже большая разница — как поставить проблему.

Рассказывают историю о двух священниках. Они спорили между собой о том, можно ли курить и молиться в одно и то же время. Один говорит: «Да», а другой: «Нет». Чтобы разрешить спор, они договорились, что каждый напишет свое мнение Святому Отцу. Немного времени спустя они встретились и заспорили снова. Каждый утверждал, что Святой Отец на его стороне. Наконец, один спросил: «Как ты спрашивал у Святого Отца?» Второй ответил: «Я спросил можно ли курить в то время, когда молишься, и папа ответил, что, разумеется нельзя. Моление серьезное занятие и не допускает помехи. А ты как?» «А я, — сказал другой, — спросил можно ли молиться во время курения, и папа ответил, что, разумеется можно, так как молитва во всякое время уместна».

Вместо аристотелевского вопроса «Какое место занимает человек в природе?» — многие авторы задаются вопросом святого Августина: «Кто я такой?». Этот вопрос, перефразированный в двадцатом столетии, положил начало новому теоретическому рассуждению, часто именуемому экзистенциализмом.

Особое место в работах Олпорта занимает процесс становления личности. Сили Бикслер, бывший президент Колби Колледжа рассказывает о студенте, который заметил: «Невозможно сказать, сколько удовлетворения принесло мне экзистенциальное отчаяние». В некоторых студенческих кругах отчаяние всегда обладает популярностью. Оно вдвойне привлекательно, если называть его «экзистенциальным». Даже неотразимо.

Но для консультанта нашего времени совершенно необходимо следить за этим модным течением, если

серьезно относиться к страху, который сегодня владеет молодым поколением. Для всех нас стало очевидно, что в мире совершается разрушительная трансформация. Дающая внутреннее успокоение устойчивость культуры, сословности, золотого стандарта и военного превосходства больше не с нами. Так же как и устойчивость традиционной психологии. Что пользы привлекать в помощь надличностную теорию познания, биологическую теорию мотивации и поздневикторианскую формулу подсознания, если сегодняшние молодежные проблемы — обостренно осознанные и сугубо личностные.

Консультант не может считать себя подготовленным к должности, если он не выработал в себе способности до некоторой степени разделять предчувствия современной молодежи и ощущение шаткости фундамента, на котором всегда стояла молодость. Над своим рабочим столом консультант может повесить изречение испанского писателя Унамуно: «Страдание — это кровь жизни, которая бежит в каждом из нас и связывает нас воедино», И хотя не всякий молодой человек, кто приходит за советом к консультанту, испытывает страдание в этот момент, вернее всего предположить, что он пришел получить совет, который укрепит его перед лицом неизбежного страдания, с которым он не раз столкнется за свою жизнь.

С экзистенциальной точки зрения воображаемый консультант будет стремиться развивать в своем клиенте две установки. Взятые порознь, они кажутся антитезой: но слитые во взгляде на мир, они дают силу для будущего. Одна позиция — сознание преходящего характера воззрений. Поскольку всё, что не подвергалось сомнению, становится безусловным, пусть все догмы подвергнутся безбоязненному пересмотру, особенно те идолы культуры, которые породили фальшивое чувство успокоенности: догмы о расовом превосходстве, о наивном сциентизме, об однолинейном эволюционном прогрессе. Пусть люди увидят то наихудшее, что есть в них самих и окружающем их мире; так они смогут правильно оценить все опасности.

Взятая в отдельности, сама по себе эта временность может привести к онтологическому отчаянию. Однако принимать худшее как оно есть, не означает лишать возможности сделать лучшее из наихудшего. До настоящего времени психологи почти не обратили внимания на замечательную человеческую способность сочетать свои преходящие взгляды с твердой приверженностью избранным ценностям.

Обязательство, говорил Паскаль, это пари. Его можно выиграть, можно и проиграть. Кардинал Нью-

мэн говорил, что религия никогда не бывает предметом нашей уверенности. В лучшем случае она бывает субъективным условием несомненности, которую он определяет как «возможность, поддерживаемую верой и любовью». Тем не менее, зрелая религия, определенная таким образом, может стать надежной опорой и побуждением к высокому героизму. Экзистенциализм, теистический и атеистический, стоит на тех же позициях. Мы свободны со всем мужеством предаться великому делу, даже если в нас нет абсолютной уверенности. Мы можем быть одновременно полубежденными и целиком искренними.

Уильям Джеймс, возможно величайший из мыслителей Америки, пытался научить нас понимать это, но век тому назад мы не были готовы к такому пониманию. Заслуживает упоминания, что даже в период социальной устойчивости Джеймс отчетливо понимал всю неопределенность основания ценностей. Богатство, это фальшивое божество, ведет к всеобщей национальной болезни, которую называют «потреблением вскачь». Чем больше мы наращиваем свои материальные ресурсы, тем сильнее боимся бедности. В религии Джеймс также не видел устойчивой опоры, хотя, как и кардинал Ньюмэн он признает конструктивную силу зрелой религиозной приверженности. Любой идеал, который ведет к далеко идущим последствиям, психологически оправдан. Это справедливо и с прагматической точки зрения. И кто может сказать, что он обладает абсолютным критерием истины, чем его собственная приверженность, если она подтверждается благотворными последствиями?

Ни позитивистское, ни психодинамическое течение мысли на допускают возможности того, что наша психологическая конституция объединяет вместе и тотальную приверженность и общую неустойчивость. Подобный парадокс напоминает электрон, способный двигаться в двух противоположных направлениях сразу. Взятые в отдельности, неустойчивость дезинтегрирует; приверженность интегрирует. Однако в личностях, которые вызывают преклонение своей устойчивостью и обладанием перспективой, кажется и то и другое слились воедино. По-видимому, с помощью обучения и руководства мы сможем развить у молодежи обе установки.

Там, где оба названных отношения сосуществуют, мы обнаруживаем благотворное проявление побочных результатов такого сплава. Один из них глубокое чувство сострадания к жребию человека; другой — чувство юмора. Юмор требует изменчивой перспективы и вместе с этим устойчивой системы ценностей, которые не позволяют превратить смех в цинизм. Как говорил

Мередиит, юмор — это способность посмеяться над тем, что мы любим и будем любить.

Главное, в чем сегодня упрекают экзистенциализм, это отход от позиции разума и возвышение иррационализма. Но, если это обвинение можно распространить на некоторые литературные и теологические направления в экзистенциалистском движении, я сомневаюсь, чтобы оно серьезно угрожало будущему научной психологии. Отношения приверженности и неустойчивости, о которых я говорил, — глубокие понятия, более глубокие, чем многие из тех, которыми мы пользуемся, так как они отражают важные состояния личности и таким образом ведут к улучшению понимания, предсказания и направления человеческого поведения.

И что такое рационализм? Мы почитаем древних греков за то, что они возвеличили человеческий разум; и как психологи мы возвеличиваем Аристотеля за его вопрос: «Каково место человека в природе?» Но греческий рационализм был шире, чем ограниченный, центрирующийся на методе сциентизм, до которого он снизошел. Для греков в сфере ума находилось место для приверженности и неустойчивости. Это превосходно подтверждает древняя надгробная надпись, найденная на побережье. Погибший мореход призывает идти на риск, несмотря на то, что нет уверенности в том, что доберешься до цели.

Что все это означает в терминах психологической теории, в понятиях руководства? Прежде всего это означает, что для того, чтобы достичь более реалистического образа человека и его возможностей, мы должны пересмотреть наши теории узнавания, созреваия, мотивации и структуры личности.

Беда наших теорий узнавания не столько в том, что они ошибочны, сколько в том, что они неполны. Они лучше всего подходят для изучения животных и детей младшего возраста. Понятия условий усиления, идентификации представляются мало полезными, когда консультант пытается применить их в своей работе. Например, они не помогают объяснить, каким образом молодежь может научиться совмещать экспериментальный характер перспективы с твердостью налагаемых обязательств. В дополнение к уже существующим нужны прикладные теории, разработанные в понятиях организационного и биографического узнавания.

За исключением того смысла, который вкладывается в понятие физического созреваия, понятие созреваия личности в целом почти полностью отсутствует в психологии. И до тех пор, пока не будут установлены нормативные стандарты для созреваия

личности, оно едва ли сможет занять свое место. До сих пор нормативные проблемы, за исключением их понимания в смысле статистических норм, почти полностью игнорируются.

Что же касается мотивации и структуры личности, то здесь психологи расходятся во мнении. То, что пройденные стадии жизни не всегда объясняют мотивационное движение в настоящем, не оставляет сомнения. Следовательно, нам необходимо понятие (я думаю название «функциональная автономия» будет подходящим), которое представляло бы часть жизни, ориентированную на будущее, а не на прошлое. Мы также нуждаемся в теории структуры личности, которая представила бы наиболее важные расщепления и фокус данной, конкретной личности. Я уверен, что подобная теория сможет продвинуться гораздо дальше, чем концепция однообразных переменных, к которой сильно подгоняется каждый клиент, и это независимо от того, называем ли мы эти переменные факторами, измерениями или общими чертами.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Психология личности. М., 2009.
2. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.
3. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Psihologiya lichnosti. M., 2009.
2. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbr. trudy. M., 2002.
3. H`ell L., Zigler D. Teorii lichnosti (Osnovnie polosheniya, issledovaniya i primeneniye). SPb., 1997.

Нам важнее всего отказаться от моделей, которые пытаются втиснуть человеческую личность в шаблонную гомеостатическую ситуацию, которую мы имеем в полужакрытых системах. Человеческая личность широко открытая система, чувствительная к осязаемой и неосязаемой культуре, с непрерывным поиском новых идей и способная задаваться новым типом вопроса — которым не задается ни одно творение природы: «Кто я такой?».

Образ человека не должен заимствоваться из традиции наивного реактивизма. Точно так же как для современной физики устарели сантиметры, граммы, секунды, так для современной психологии слишком упрощены связи модели «стимул-реакция». В психологии даже больше, чем в физике мы испытываем потребность в теории, которая была бы отражением текучести становления.

Очевидный факт состоит в том, что человек есть нечто большее, чем реагирующее существо, больше, чем глубинно-реагирующее существо.